

К ИЗУЧЕНИЮ СТИЛЕЙ В МОНУМЕНТАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э.*

В первые века н.э. военно-политическая и экономическая ситуации в Северо-Причерноморском регионе, как известно, претерпели коренные изменения. С середины I в. до н.э. Херсонес, а немного позднее, от конца этого столетия, Тира, Ольвия и города Боспора вступили в новую фазу исторического развития, попав в орбиту политических интересов Рима¹. Продвижение Римской империи в северо-восточном направлении, необходимость активного противостояния варварам явилась причиной введения римских регулярных военных подразделений в существовавшие здесь греческие города. Это обстоятельство способствовало их экономическому подъему, формированию нового социального и культурного феномена, связанного с проникновением римской культуры в местную греческую и греко-варварскую среду.

Последовавшая за этим стабилизация военно-политической и экономической ситуации во многом отразилась и на значительных градостроительных мероприятиях, в ряде случаев коренным образом изменивших архитектурный облик городов². Это коснулось как общей перепланировки городских кварталов и оборонительных линий (особенно в городах Северо-Западного региона), претерпевших сильные разрушения вследствие гетского разгрома в I в. до н.э.), так и появления новых культовых, общественных и специальных сооружений, предназначенных для функционирования гражданской и военной администраций, а также воинских контингентов. Столь значительный объем строительных работ нашел отражение во многочисленных эпиграфических памятниках, зафиксировавших активизацию строительной деятельности и появление монументальных построек практически во всех городах Северного Причерноморья от начала I в. н.э.³.

В реализации этой обширной градостроительной программы исключительно большую роль играли монументальные ордерные постройки. К сожалению, вплоть до настоящего времени только в двух центрах региона открыты сооружения, ордер которых поддается реконструкции. Это - портик дорического ордера в Ольвии с открытыми *in situ* нижними барабанами колонн, который можно уверенно датировать I в. н.э. (исходя, прежде всего, из данных стратиграфии и конкретного археологического материала). Более того, недавно было высказано мнение о том, что это сооружение является тем самым портиком, который олимпиадотит Лабак, сын Каллисфена, посвятил императорам Августу и Тиберию, в соответствии с известным лапидарным памятником, обнаруженным в свое время в Ольвии⁴. Второй памятник исследован в окрестностях Херсонеса (Балаклава) - святилище Юпитера Долихеиа II в. н.э. с портиком ионического ордера, о чем свидетельствуют открытая *in situ* база колонны и обнаруженная в комплексе ионическая капитель⁵. В остальных же случаях, все известные архитектурные детали первых веков н.э. были раскопаны вне связи с конкретными строительными остатками - это обстоятельство создает определенные сложности не только при проведении реконструкций, но зачастую даже при функциональной атрибуции различных деталей, включая определение их ордерной принадлежности⁶.

Рассмотрение общих тенденций развития архитектурных ордеров в первые века н.э. необходимо начать с позднеллинистического времени, когда общий период упадка в социально-экономической и политической сферах не мог не отразиться на общем упадке строительной деятельности и ухудшении качества местного строительного-каменного ремесла в целом. Позднеллинистическим временем датируется серия капителей дорического ордера, происходящих не только из Херсонеса, но также из Ольвии и Тира (рис. 1,1-6,9-11). Датировка эта основана также исключительно на стилиевых характеристиках - ни одна из них не связана с конкретным объектом. Общее искажение формы и профилировки капителей, их подчеркнутая выпуклость (или, наоборот, геометричность), уменьшение количества ремешков до двух-одного (или их полное отсутствие, равно как и

* *Статья была подготовлена при поддержке фонда Александра фон Гумбольдта в Евразийском Отделении Германского Археологического Института в Берлине. Обмеры архитектурных деталей, хранящихся в экспозиции и фондах Национального заповедника "Херсонес Таврический", выполнены автором. В работе также использованы материалы из новейших раскопок И.А. Антоновой и М.И. Золотарева, которым я выражаю искреннюю благодарность.*

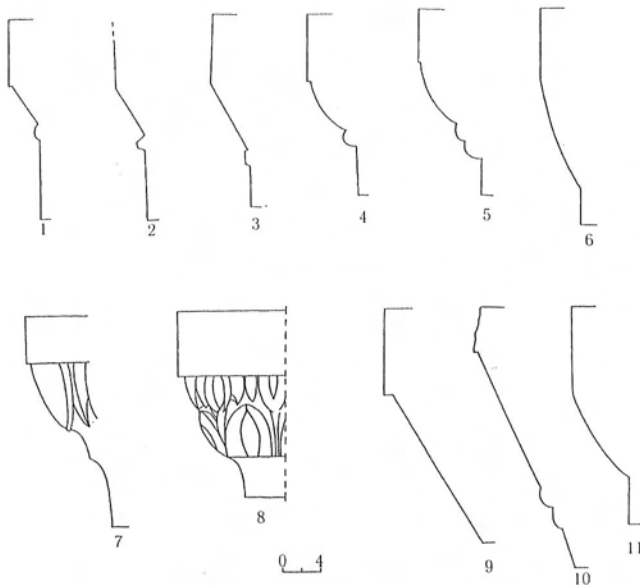

Рис. 1.

Капители дорического ордера II в. до н.э. - I в. н.э. из Херсонеса (1-8), Ольвии (9,10) и Тире (11). Известник.

каннелюр в нижней части) - эти стиливые особенности наиболее точно определяют время появления таких деталей⁹.

Необходимо отметить, что описанные особенности не являются отличительным признаком северопричерноморской архитектуры, свидетельствующим о ее "вырождении" или тем более "варваризации", следуя давнему выводу А.Н.Карасева об ольвийской архитектуре позднеэллинистического времени¹⁰. В данном случае, скорее всего, следует говорить об общих тенденциях развития дорического ордера к концу эллинистической эпохи. Эта общая линия хорошо фиксируется по многочисленным известным памятникам Восточного Средиземноморья, включая как центральные области материковой Греции, в том числе, и Афины, и острова Эгеиды, так и малоазийские центры¹¹.

В херсонесской лапидарной коллекции имеются две редкие капители с резным декором по окружности эхина. Их также следует относить, к самому концу позднеэллинистического времени или, что еще более вероятно, к I в. н.э., о чем свидетельствует как форма деталей, профилировка, так и характер проработки резного декора. Одна из капителей (рис. 1,7) украшена порезкой из ов. Исходный вариант такой детали следует искать в малоазийской архитектуре эллинистического времени¹². Позднее этот декоративный мотив был заимствован римско-дорическим (часто соотносимым и с тосканским) ордерам и приобрел значительную популярность в монументальной архитектуре Римской империи. Следует подчеркнуть его необыкновенно широкое распространение именно в северо-восточных провинциях - Фракии, Мезии, Паннонии, Дакии¹³, откуда, вероятнее всего, и была заимствована капитель с таким декоративным элементом. Другая херсонесская капитель имеет круглый эхин, украшенный двухъярусным рельефным лиственным декором (рис. 1,8). Точную аналогию детали подобрать не удалось, несмотря на то, что сам принцип декориров-

ки тосканской капители листьями аканфа (что и являлось, скорее всего, исходным вариантом для херсонесской детали) был очень популярен в архитектуре Римской империи, особенно Флавианской эпохи¹⁷.

К сожалению, количество деталей, которые можно уверенно соотнести с самым поздним этапом развития дорического ордера в архитектуре Северного Причерноморья, очень ограничено. Тем не менее, стилистические характеристики херсонесских капителей хорошо дополняют детали, датировка которых надежно установлена или на основании эпиграфических данных (дорический архитрав в посвященном царю Аспургу 23 г. н.э.)¹⁸, или стратиграфических наблюдений, как в случае с упомянутым выше портиком из Ольвии. В результате, можно утверждать о существовании дорического ордера (с отдельными элементами римско-дорического) как цельного стилистического направления в развитии северопричерноморской монументальной архитектуры, скорее всего, только в пределах I в. н.э. В его развитии нашли отражение как позднеллинистические тенденции (притом, не исключено, что продолжалось и местное стилевое направление, зафиксированное в Северном Причерноморье только в эллинистическое время), так и новые, связанные с проникновением отдельных элементов римской архитектуры. Не менее интересным представляется тот факт, что те, в целом немногочисленные, стилистические влияния, которые можно связать с римской (собственно италийской) архитектурой, попали в архитектуру Северного Причерноморья опосредованно через балканские провинции Римской империи. Характерно, что все известные в настоящее время архитектурные детали дорического ордера этого времени выполнены из местных известняков. Чистые же формы тосканского ордера, а в данном случае определяющим order признаком является только капитель, в архитектуре Северного Причерноморья пока не известны.

Коренные изменения в монументальной ордерной архитектуре Херсонеса фиксируются от начала II в. н.э. Активизация строительной деятельности хорошо отражала все изменения, происходившие во внешней политике Херсонеса. Возведение цитадели и необходимого набора сооружений, связанных с функционированием военной администрации, а также культовых построек, было, безусловно, в значительной степени связано с ордерным строительством.

Херсонесский лапидарий обладает обширной и во многих отношениях уникальной для Северного Причерноморья коллекцией архитектурных деталей II-III вв. н.э. В стилистическом отношении она состоит из двух неравных частей. К большей принадлежат детали (порядка 75 % от общего количества), которые можно соотнести с малоазийским стилистическим направлением. Меньшую группу составляют детали, происхождение форм которых связано с нижнедунайским направлением. Отличительной особенностью архитектурных деталей малоазийского стилевого направления является то, что их абсолютное большинство представлено мраморными импортами¹⁹, принадлежащими двум ордерам - ионическому и коринфскому. Только очень незначительная часть деталей этой группы является продукцией местных камнетесных мастерских. В типологическом отношении детали представлены практически всеми составляющими ордера - от баз до венчающих частей перекрытий. Ранее мною уже были подробно рассмотрены капители коринфского ордера²⁰, однако в настоящее время мне удалось существенно уточнить их датировку и круг стилистических аналогий, в связи с чем я считаю необходимым вернуться к ним еще раз. Кроме того, большее внимание в этой работе предполагается уделить деталям ионического ордера и немногочисленным элементам перекрытий.

Следует отметить, что определенные сложности возникли уже при первоначальной классификации деталей. Так как почти все они были обнаружены вне строительных комплексов, а для Херсонеса это скорее правило, чем исключение, то точно определить ордерную принадлежность баз (и, в ряде случаев, карнизов) - невозможно. Они могли принадлежать как ионическому, так и коринфскому ордеру.

Базы (13 экземпляров) представлены только мраморными деталями (рис.2,1). Основанием для их датировки первыми веками н.э. служат пропорции, форма профиля, отличающаяся от предыдущего времени, и обязательное наличие вырезанного в монолите плинта. Стандартный профиль состоял из двух полуovalов, причем нижний зачастую имел неправильную форму, двух высоких полочек и глубокой сколки между ними. В целом, эти базы представляют дальнейшее развитие аттического типа эллинистического времени. Повсеместное распространение баз этого типа в архитектуре императорского времени делает поиски конкретных аналогий нерацональным. Од-

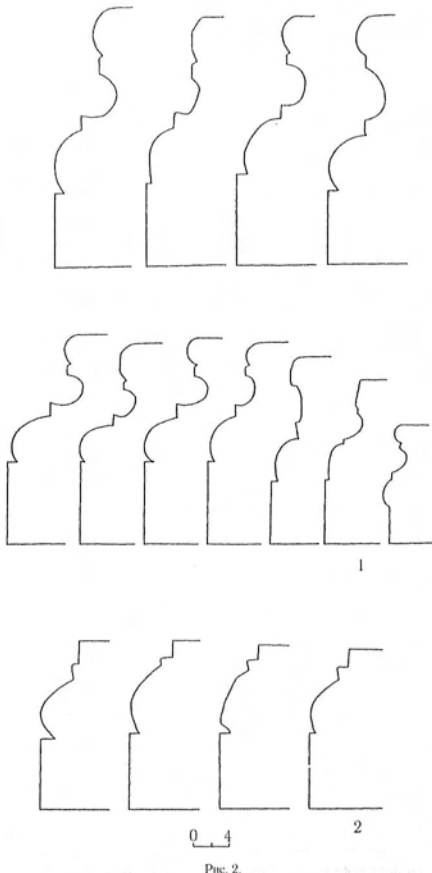

Рис. 2.
Базы ионического ордера из Херсонеса. 1 - мрамор, 2 - известняк.

прежде всего - базилик; их многократное повторное использование в раннесредневековое время более чем вероятно.

Капители (15 экземпляров) представлены как привозными мраморными, так и известняковыми деталями местной работы (рис.3; 4; 5). Основанием для их датировки служит, прежде всего, характер прорисовки рельефного декора по главному фасаду и балюстре. Следует отметить, что кол-

нако для данного типа херсонесских деталей хорошим стилистическим и хронологическим индикатором может быть коллекция мраморных баз с аналогичными профилями из музея Эргоди (Гераклен Понтийской)¹⁶. Необходимо отметить, что коллекция баз указанного типа, известных в настоящее время в Херсонесе, насчитывает намного большее количество экземпляров - часть из них, например, открыта в т.н. Восточной базилике и базилике 1935 г. Скорее всего, этот тип баз продолжал активно использоваться в культовой строительной практике последующей, христианской эпохи.

Фусты представлены 3 цельностовальными (что типично именно для первых веков н.э.) мраморными экземплярами и несколькими фрагментами, надписи на которых свидетельствуют об их принадлежности храму Афродиты. Согласно В.Латышеву, они датируются II в. н.э. Реконструкция четырехколонного портика храма на высоком подиуме (на основании этих деталей и трехфасиевого архитрава с надписью), а также подобранных по размеру ионических капителей из лапидария была предложена в свое время И.Р.Пичкиным¹⁷. Необходимо отметить, что точная датировка и ордерная принадлежность некоторых хранящихся в херсонесском лапидарии цельностовальных (как мраморных, так и известняковых) фустов также весьма проблематична. То же касается и многочисленных фустов, обнаруженных при раскопках ранне-средневековых памятников,

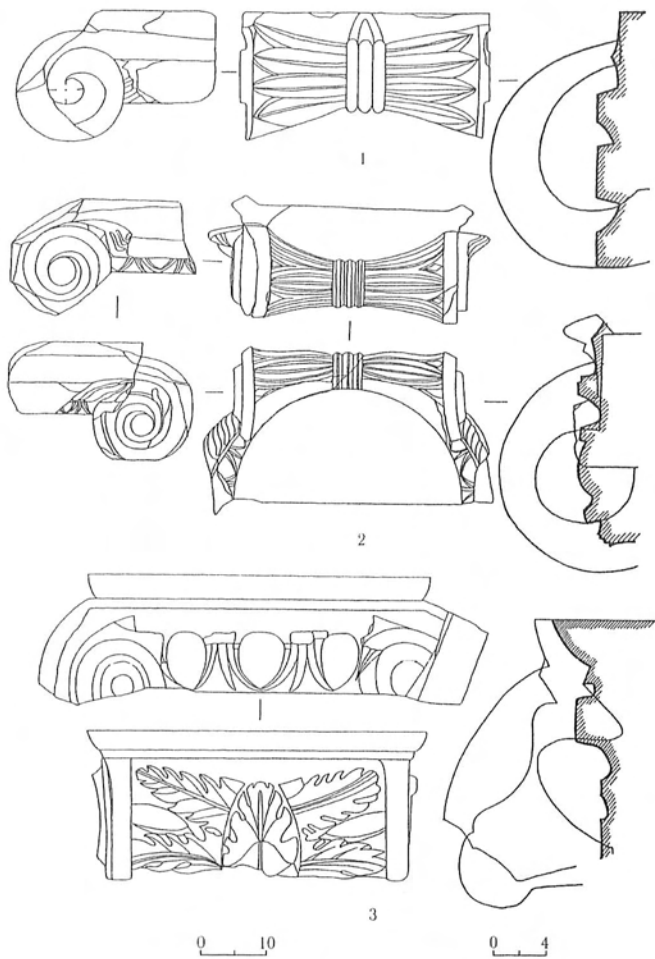

Рис. 3.
Капители ионического ордера из Херсонеса. 1 - известняк, 2, 3 - мрамор.

лекция капителей первых веков н.э. из Херсонеса наиболее выразительна в сравнении со всеми остальными составляющими ионического ордера.

Характер сохранности капителей, однако, таков, что судить о декоре их главных фасадов можно на основании только двух целых деталей и еще нескольких, расколотых надвое. Тем не менее, очевидно, что все капители имели стандартный декор лицевых фасадов, состоявший из трех ов по эхину. Угловые овы были почти полностью закрыты крупными трехлепестковыми пальметками с завитками на концах. Общей характерной особенностью мраморных деталей была проработка ов в высоком рельефе. Лепты угловых волют имели в основном уплощенную форму, чаще всего - без дополнительного двойного ремешка, были завернуты в 1,5-3 оборота, имели крупный плоский глазок.

Боковые фасады (балюстры) дают несколько вариантов декоративных решений. Как правило, это был разнообразный декор растительного происхождения, хорошо известный в малоазийской архитектуре ионического ордера еще с эллинистического времени и получивший необыкновенно широкое дальнейшее развитие именно в первые века н.э. Одним из наиболее распространенных был лиственный декор. Самый простой состоял из 3-4 листьев удлиненной пельведидной формы, которые веерообразно расходились от центрального перехвата. Интересного, что балюстра известняковой капители местной работы (рис.3,1) дает достаточно точную копию мраморной (рис.3,2), несмотря на общие более тяжелые формы и упрощенную прорисовку волюты. Этот декоративный мотив был одним из наиболее типичных для малоазийской архитектуры II-III вв. н.э.¹⁸. В Причерноморье он также хорошо известен, прежде всего, в нижнемезийских центрах¹⁹.

Следующий вариант декора представлен расположенными вдоль балюстры листьями аканфа (рис.3,3; 4,1,3,4). В этом случае центральный перехват был решен также в виде аналогичного листа, иногда окаймленного лентой жемчужника. Характерно также то, что в херсонесской архитектуре детали эти известны как в привозном, так и в местном исполнении. Такой декоративный прием был распространен в малоазийской архитектуре во многочисленных вариантах, причем наибольшую популярность он приобрел именно в первой половине II в. н.э.²⁰. Импорт деталей этого типа известен также и для Западного Причерноморья²¹.

Еще несколько крупных фрагментированных капителей из мрамора позволяют судить о разнообразных вариантах декорировок в виде листьев аканфа, расположенных (в различных сочетаниях) параллельно или перпендикулярно балюстре, а также в виде завернутых побегов. Бесконечное разнообразие декоративных приемов, отсутствие единого канона предполагало также и наличие асимметричной проработки балюстр, как в одной из херсонесских капителей (рис.4,2). Декор такого типа был одним из наиболее популярных в малоазийской архитектуре²². Импорт аналогичных мраморных деталей хорошо представлен также материалами Западного Причерноморья²³. Интересная реплика такого декоративного решения известна в ордере храма второй половины I в. н.э. в Гари (Армения)²⁴.

Помимо листьев аканфа, в декоре балюстр широко использовались и другие элементы декора растительного происхождения. Одна из мраморных херсонесских капителей украшена стилизованным орнаментом в виде побегов растений, завитки которых заканчиваются достаточно схематично прорисованными цветами (рис.4,5). Многочисленные аналоги такому декоративному решению хорошо известны в малоазийской архитектуре II - начала III вв. н.э.²⁵. Своеобразным растительным орнаментом украшена балюстра следующей известняковой капители местного производства - в виде симметрично расположенных стилизованных листьев с крупными завитками на концах (рис.4,6). Интересен и лицевой фасад этой капители с несоразмерно крупными овами по эхину, подчеркнутой "стреловидной" формой разделительных стрелок и завернутой в три оборота лентой волюты. Капители с аналогичным орнаментом балюстры хорошо известны по материалам Малой Азии, где они датируются в основном II в. н.э.²⁶

Еще один вариант декора, развивавший эллинистические традиции, представлен орнаментом в виде мелких, расположенных в четыре ряда по балюстре листьев, вырезанных, как правило, в высоком рельефе. Херсонесские капители такого типа известны как в мраморном, привозном варианте, так и вырезаны из местного известняка (рис.5,1,2,3,4). Причем в последнем случае в одной из деталей этот орнамент имеет уже вид стилизованных мелких чешуек (рис.5,2), слабо напоминающих оригинал. Обращает на себя внимание также и волюта одной из известняковых капи-

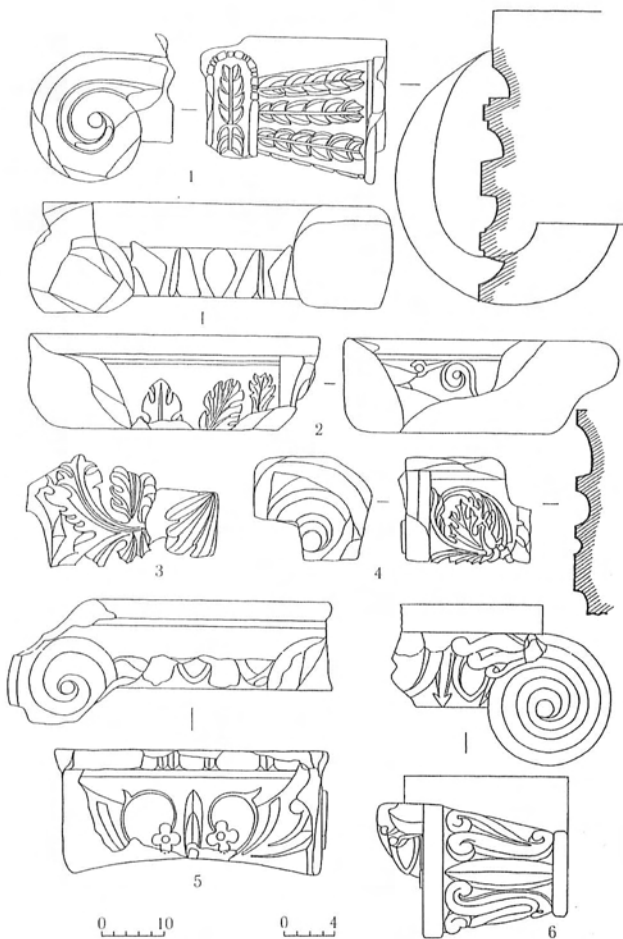

Рис. 4.
 Капители ионического ордера из Херсонеса. 1, 6 - известняк, 2-5 - мрамор.

телей, завернутая в три оборота (рис.5,1), уже встречавшаяся в другой детали (рис.4,6). В данном случае, наличие мастерской и серийного производства деталей в Херсонесе, по крайней мере, во II в. н.э. сомнений не вызывает. Причем интересно, что копировались именно разнообразные декоративные элементы балюстр. Следует подчеркнуть необыкновенную популярность декоративного решения в виде мелких листьев - прежде всего, вероятно, в силу простоты его исполнения. География распространения капителей с таким декором балюстр необыкновенно широка - от Греции до Армении, включая Западное Причерноморье - все они, как правило, были связаны с малоазийской архитектурной школой, как в импортном, так и в местном вариантах²⁷.

Помимо капителей, безусловная принадлежность которых малоазийскому стилевому направлению (и, прежде всего, пергамской архитектурной школе), сомнений не вызывает, в херсонесской коллекции присутствует одна известняковая деталь, являющаяся, несомненно, местной копией более раннего, эллинистического образца (рис.5,5). Следует отметить, что в качестве таковой была взята капитель аттического типа, о чем свидетельствует гладкая, лишенная декора балюстрада и двойной, характерный для позднего эллинизма, центральный ремешок. На датировку первыми веками н.э. указывают, однако, три крупные, лишенные разделительных стрелок, овы (причем боковые - полностью закрыты пальметтами) и в целом, обшая невыдержанность пропорций главного фасада.

Намного сложнее представляется атрибуция немногочисленных известных к настоящему времени фрагментов перекрытий. Только единичные из них могут быть уверенно соотнесены с ионическим орденом - это фрагменты уже упомянутого трехфасциевого архитрава с надписью, свидетельствующей о его принадлежности храму Афродиты II в. н.э.²⁸, и выносных частей карнизов.

Карнизы с дентулами вырезаны, как правило, монолитом вместе с венчающей частью из мраморных плит (рис.9,1,2,3). Они имели, в основном, обобщенные, грубо моделированные обломы без рельефного декора, с глубоко врезаемыми прямоугольной формы сухариками. Такие стилистические признаки характерны только для первых веков н.э. Следует также указать на их типичность для монументальной архитектуры дунайских провинций Империи²⁹. Что же касается других известных фрагментов перекрытий, также вырезанных из мрамора, но обладающих богатой рельефной порезкой, то их, скорее всего, следует относить к коринфскому ордеру (см. ниже).

С нижнедунайским стилистическим направлением в ионическом ордере Херсонеса можно уверенно связать лишь несколько деталей, что, тем не менее, вполне достаточно для его сопоставления с малоазийским. Количественные характеристики здесь играют второстепенную роль - представляется необходимым подчеркнуть, что детали, о которых идет речь, были обнаружены только в последнее десятилетие. Этот факт открывает вполне реальные перспективы и для дальнейшего увеличения количества таких деталей.

Это - базы из известняка, открытые в одном из строительных комплексов цитадели, связанном с функционированием римского гарнизона³⁰. Базы представляют редкий для Херсонеса, но хорошо известный по материалам Мезии и Паннонии упрощенный вариант аттического типа³¹. Он состоял из плиты, полуваля весьма искаженной формы с полочкой и основания гладкостыльной колонны (рис.2,2). Следует отметить невысокое качество проработки профиля баз. Принадлежность этих деталей ионическому ордеру несколько условна, поскольку такая же неполная форма была характерна и для тосканского ордера, а соответствующие капители обнаружены не были.

Значительный интерес представляют известняковые детали, открытые при исследовании святилища Юпитера Долихена в окрестностях Херсонеса (Балаклаве). В настоящее время это единственное культовое сооружение в Северном Причерноморье, ордера принадлежность которого точно определяется по открытой *in situ* базе и обнаруженной в комплексе с ней капителью. К сожалению, натурное знакомство с этими памятниками для меня оказалось недоступным, и поэтому судить о них я могу лишь по авторской публикации³².

Комплекс деталей включал базу аттического типа, два фрагмента фустов и капитель ионического ордера. Если база представляет собой обычный провинциальный вариант, о чем свидетельствует ее профилировка (необычны лишь три выступа на плите), то безусловно интересна капитель. Авторы публикации верно определили ареал распространения подобного типа деталей, ограничив его нижнедунайским регионом. Однако вызывает возражение привлечение в качестве основы образования формы тосканского ордера - в данном случае следует говорить не о тосканском влиянии

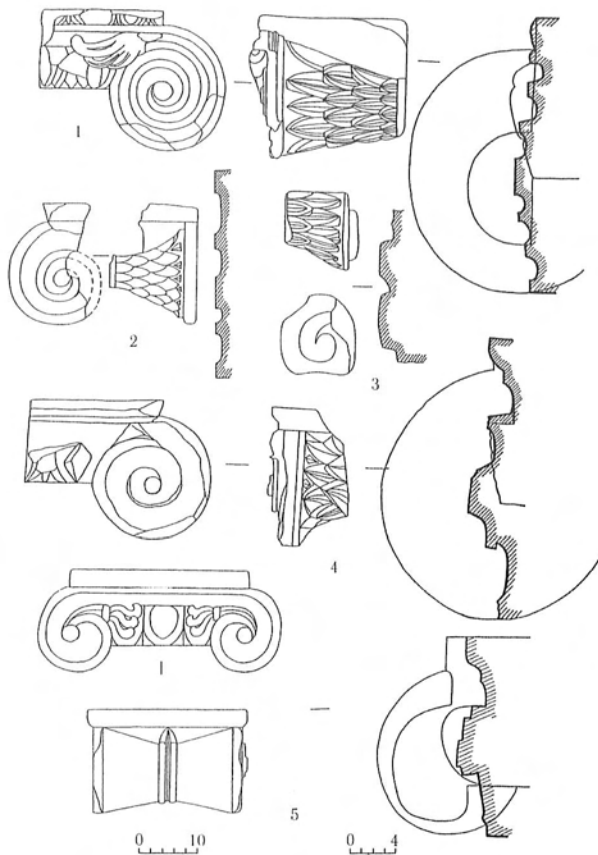
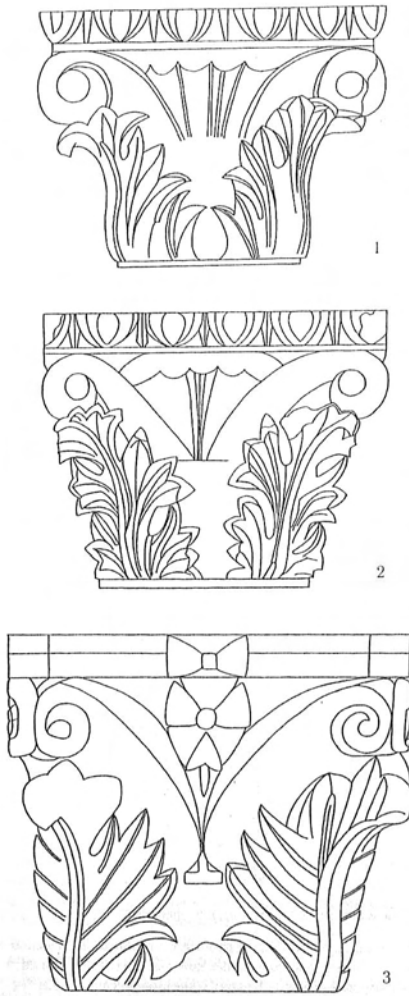

Рис. 5.
Капители ионического ордера из Херсонеса. 1, 3, 4 - мрамор, 2, 5 - известняк.

на изначально трапециевидную форму фасада капители, а, скорее всего, о римско-дорическом. Капители с аналогичным профилем хорошо известны в лапидарных коллекциях городов Нижней Мезии, включая Северо-Западное Причерноморье (Тира и Ольвия). Уникально и своего рода "гибридное" сочетание римско-дорической и ионической капители в одной детали. Ионическая балюстрада имеет интересный спиралевидный декор, требующий, однако, поисков не точных аналогий, так как они, скорее всего, отсутствуют, а выяснения происхождения и дальнейшего развития са-

0 4
Рис. 6.
Капители колонн коринфского ордера из Херсонеса. Известняк.

мого декоративного принципа. Спиралевидный орнамент канцеляур действительно встречается очень редко - известны всего две капители такого типа, опубликованные О. Бингелем (Сид) и С. Петровой (Никополис на Истре) и датированные серединой - второй половиной II в. н.э.³³ Они не дают абсолютной аналогии херсонесской капители, но хорошо показывают изначальный вариант происхождения спиралевидного декора баюстры как одного из вариантов растительного орнамента. Характерно, что малоазийская деталь мраморная, а западнопонтийская - вырезана из местного известняка.

Необходимо отметить, однако, что невысокое качество опубликованного обмера, отсутствие необходимых разрезов и профилей значительно понижают уровень и информативность опубликованного материала. К сожалению, не соответствует современному уровню знаний о культовой архитектуре первых веков н.э. и предложенный вариант реконструкции фасада в антах архаико-классической или эллинистической схемы (в данном случае, это равнозначно), с трехрядным симметричным декором антовых капителей, отсутствием необходимых для антового решения столбов, баз и проч. (при условии, если открытое сооружение следует интерпретировать как храмовую постройку)³⁴.

Известные к настоящему времени мраморные архитектурные детали коринфского ордера из Херсонеса дают в целом ту же линию стилистического развития, что и рассмотренные выше мраморные детали ионического ордера. Наиболее выразительной в этом отношении является коллекция капителей пиластров. Необходимо отметить, что капители колонн, принадлежащие мраморным импортам, в Херсонесе в настоящее время неизвестны.

Коллекция капителей пиластров (26 экземпляров, включая фрагменты) - самая значительная в Се-

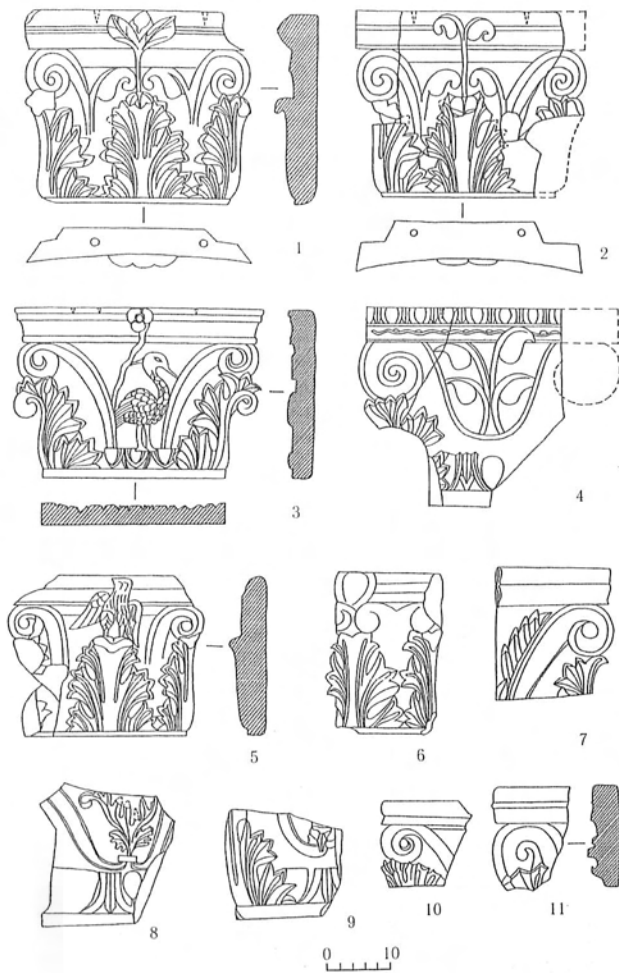

Рис. 7.
Капители пилястров коринфского ордера из Херсонеса. Мрамор.

верном Причерноморье (рис.7). Поскольку подробная классификация этих деталей с привлечением необходимого круга аналогий была предложена мною ранее, то здесь будут представлены кратко лишь основные итоги этой работы, а основное внимание будет уделено именно стилистическим характеристикам деталей. Все они без исключений принадлежат продукции малоазийских мастерских. В данном случае стилистическая принадлежность деталей безошибочно определяется по своеобразной манере прорисовки листа аканфа и общему композиционному построению капителей.

Разнообразие декоративных решений и вариантов их взаимосочетаний превратило массовую ремесленную продукцию, процветавшую во II в. н.э. (особенно во времена Траяна - Адриана в Малой Азии), по образному выражению М.Фишера, в art-industry⁵⁵. Самое широкое использование растительного декора, зоо- и антропоморфных сюжетов практически исключало вероятность их повторения. Как правило, капители небольших размеров использовались в интерьерах жилых и общественных сооружений. Характерно абсолютное отсутствие их местных реплик из известняков. Такие детали являлись доходной статьёй импорта и своеобразным индикатором официальной архитектурной "моды" - ареал их распространения необыкновенно широк и охватывает практически все Восточное Средиземноморье и Черноморский бассейн⁵⁶. Датировка почти всех капителей пидиастров практически равномерно укладывается во II (от начала правления Адриана) - начало III в. н.э. (до ранних Северов). Однако среди них имеется несколько фрагментированных капителей, которые в настоящее время можно уверенно датировать более поздним временем. Их отличительным признаком являются достаточно схематично проработанные центральные волюты, симметрично расходящиеся от центральных каналов и соединенные с углами только непосредственно под абаком. Хорошим хронологическим указателем является манера прорисовки листа аканфа - по-прежнему пятилопастного, каждая из боковых долей которого состоит, однако, уже не из четырех, а из трех перьев. Стилистически такой детали наиболее близки, хотя и не являются полным аналогом, позднеантичные капители из Малой Азии конца III - начала V вв. н.э.⁵⁷.

К продукции тех же малоазийских мастерских принадлежат еще две большие **капители столбов** прямоугольной формы (рис.8,1,2), венчавшие, вероятнее всего, монументальные парадные входы типа пропилей. Одна из капителей (рис.8,1) была обнаружена на средневековом городище Эски-Кермен, куда она попала, вероятнее всего, из находящегося относительно недалеко Херсонеса⁵⁸. Капитель имеет два симметричных лицевых (длинных) фасада, содержащих рельефный декор, и торцовые, обработанные лишь специальным инструментом типа троянки. Лицевые фасады имеют характерную для капителей колонн коринфского ордера стандартную композицию - развернутые по плоскости два ряда листьев аканфа. Два листа обрамляют нижний ряд, верхний содержит три листа. По обе стороны от центрального листа расходятся чашечки, поддерживавшие угловые (не сохранившиеся) волюты. Центр фасада акцентирован волнистым стеблем - его окончание на абаке также не сохранилось.

Оригинальная манера обработки торцовых фасадов капители дает возможность предположить, что те не были закончены преднамеренно, а капитель была привезена в Херсонес в качестве полуфабриката. Импорт мраморных полуфабрикатов в так называемых "экспортных формах" из малоазийских мастерских (в частности, из Проконнеса) широко известен для II - III вв. н.э. И несмотря на то, что, вплоть до настоящего времени, импорт незаконченных мраморных деталей в пределах Средиземноморского бассейна был широко представлен в основном саркофагами, география распространения незаконченных капителей коринфского ордера не менее значительна⁵⁹. Нельзя полностью исключать, что двухсторонняя обработка только лицевых фасадов, как и вытянутая прямоугольная форма самой детали, свидетельствует о том, что деталь эта венчала, вероятнее всего, монументальную опору во входном проеме типа пропилей. Характер прорисовки листа аканфа достаточно надежно позволяет датировать капитель в пределах II в. н.э. и стилистически связать ее с малоазийским кругом памятников. Абсолютную аналогию капители из Эски-Кермена подобрать не удалось, несмотря на то, что сам принцип использования прямоугольных капителей коринфского ордера в качестве внутренних опор хорошо известен.

К деталям такого же типа принадлежала и вторая капитель из Херсонеса (рис.8,2). Несмотря на плохую сохранность (невозможно даже наверняка утверждать, венчала эта капитель анти или прямоугольный столб), очевидно, что она принадлежала и к типу так называемых фигурных капителей с асимметричными боковыми фасадами. Ее декоративная композиция включала, помимо

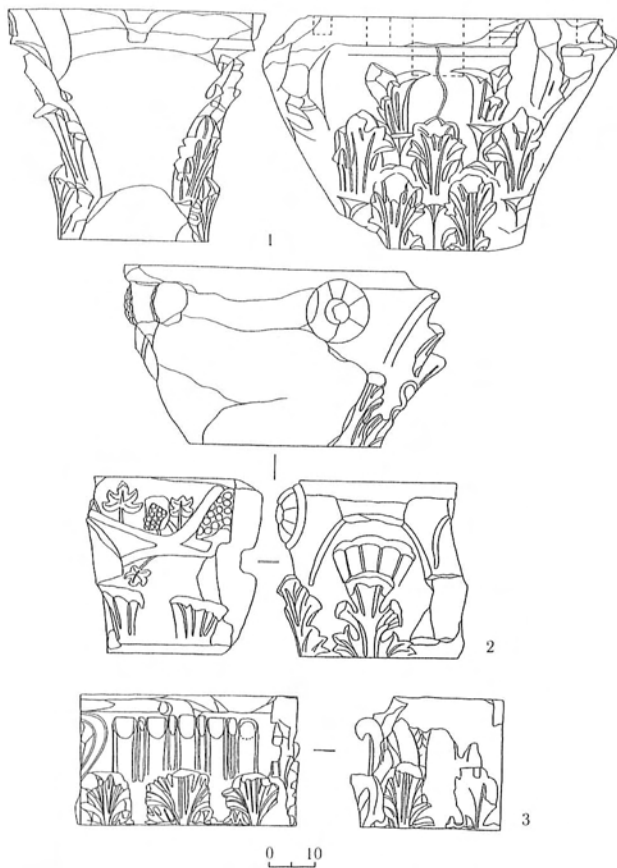

Рис. 8.

Капители коринфского ордера из Херсонеса. 1 - мрамор (Бахчисарай), 2 - мрамор, 3 - известняк.

обязательных листьев аканфа и, вероятнее всего, волют, еще и виноградную лозу с листьями и гроздьями, крупную розетту (?) и мотив из пяти листьев-трубок. По длинному фасаду капители располагался один ряд листьев аканфа, состоявший, очевидно, из одного полного и двух половинных угловых. Аналоги этой капители мне также остались неизвестны. Характер прорисовки листьев аканфа, даже при наличии значительных повреждений, тем не менее, уверенно указывает на малоазийское происхождение детали.

Херсонесская лапидарная коллекция содержит еще одну редкую автоную пальмовидную капитель (рис.8,3), выполненную из местного известняка и представленную в северопрichernоморской архитектуре пока в единственном экземпляре. Она имеет прямоугольный план, ее длинный (лицевой) фасад украшен девятью прямыми, загнутыми в верхней части, чередующимися узкими и широкими листьями-трубками. Низ капители декорирован тремя полными листьями аканфа, рельефное изображение по центру фасада не сохранилось. Правый боковой фасад имеет два полных листа аканфа по нижнему ряду, характер же завершения его верхней части - неясен. Стилистические особенности капители, заключающиеся в сочетании аканфа и листьев-трубок, имеющих характерную округлую форму завершения, позволяют ограничить поиски исходной формы детали рамками пергамской школы II в. н.э. Именно для последней характерна форма пальмовидной капители с округлым завершением выпуклых наружу листьев, плоским или слегка выпуклым их основанием⁴⁰. Наиболее близкие, хотя и не абсолютные аналоги форме и декору детали известны в пергамском Траянеуме⁴¹, что делает датировку херсонесской капители первой половиной II в. н.э. вполне вероятной. Автоная известняковая капитель (?) аналогичного плана (правда, без обрамляющего ряда листьев аканфа) мне известна в Пангикапее.

Необходимо отметить, что при всей схожести понтийских пальмовидных капителей с деталями пергамского стилистического направления, они имеют и некоторое отличие, позволяющее говорить о пергамском влиянии с некоторой долей осторожности. Манера прорисовки указанного декоративного мотива распространялась на различные центры Малой Азии. Как правило, она везде дает единый устойчивый декоративный принцип расположения листьев-трубок, причем это не зависит от формы капители - круглой или прямоугольной. Все они, без исключения, имеют одинаковую ширину и плотно примыкают один к другому. Херсонесская капитель (равно, как и пангикапейская) содержит между широкими листьями дополнительный узкий лист-прожилку, что нетипично для деталей собственно пергамского круга. Тем не менее, такой декоративный прием известен в пальмовидных капителях из Лептис-Магны (Триполитания). Дж.Мард-Перкинс нашел им достаточно близкие аналоги в капителях из Западного Причерноморья - Одессоса и Миршинополья⁴². Указанный декоративный прием в виде листьев-трубок широко представлен и в официальной архитектуре раннеимператорского Рима вплоть до эпохи Антонинов. При этом интересно, что там этот декоративный прием получил большее распространение не в капителях, а среди декоративных элементов фриз⁴³. В целом, система взаимодействий и взаимопропонижений декоративных элементов малоазийской и римской архитектуры в конце I - первой половине II в. н.э. была достаточно сложной и носила, скорее всего, двусторонний характер. Нельзя исключать, что и этот декоративный мотив, заимствованный императорской архитектурой из Малой Азии, получил в Риме дальнейшее развитие и в новом варианте вернулся затем на Восток. Тогда вполне вероятным представляется предположение о наличии еще какого-то малоазийского центра, производившего пальмовидные капители под несомненным влиянием архитектуры Пергама (и опосредованно через Рим) и обслуживавшего средиземноморский и черноморский рынки сбыта⁴⁴. Вполне возможно, что таким центром был Эфес, откуда также происходят капители колонн с аналогичной манерой чередования широких и узких листьев⁴⁵. Не исключено, что капитель из Херсонеса представляла собой гибридный вариант стилистических заимствований из пергамской и эфесской архитектуры, выполненный на месте и потому не имеющий прямых аналогов.

Немногочисленные фрагменты перекрытий представлены двумя архитравами, фризом и карнизом (рис.9,4,5,6,7). Все детали вырезаны из мрамора; по своим стилистическим особенностям, прежде всего, манере прорисовки рельефного декора (аканфа, жемчужника, киматия), также принадлежат продукции малоазийских мастеров. Для архитравов их принадлежность конкретному ордеру (коринфскому или ионическому) несколько условна, достаточно широка и их датировка, в соответствии со стилистическими особенностями прорисовки жемчужника, в пределах второй половины II - первой половины III вв. н.э. Более интересен фриз, центральное рельефное поле которого содержит типичный растительный орнамент (т.н. Rankenornament), обрамленный симметрично расположенными ионийским киматием, а в верхней части - еще и линией лесбийского киматия. Характер и изобразительная манера рельефного декора дают возможность отнести его к типу *Rankenfries*. Несмотря на то, что рельефная поверхность фриза имеет значительные искажения в результате длительного воздействия морской воды, его стилистическая принадлежность кругу ма-

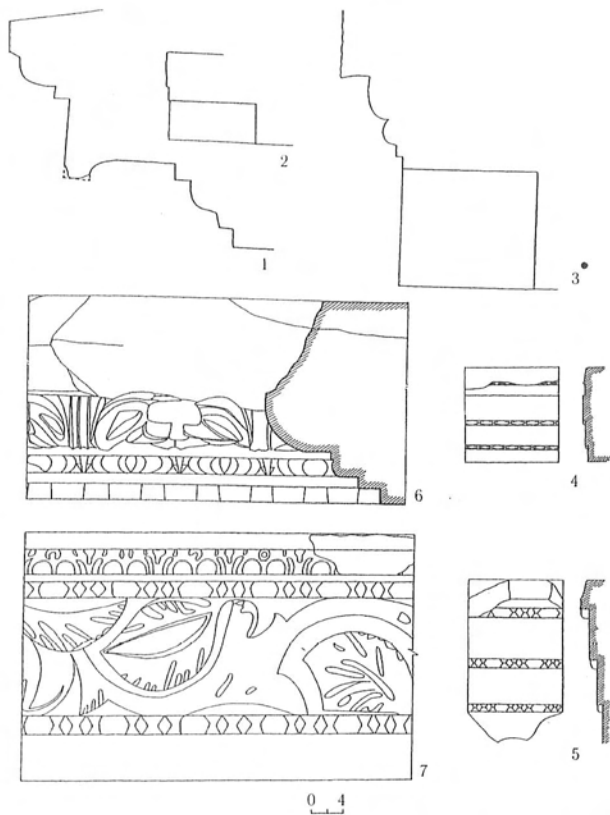

Рис. 9.

Архитравы, фризы и карнизы ионического и коринфского ордоров из Херсонеса. Мрамор.

лоазийских памятников определяется с достаточно высокой степенью надежности. Наиболее близким ему является фриз перекрытия внутреннего ордера мавзолея из западного некрополя Сида, датированный второй половиной III в. н.э.¹⁶ Характерной особенностью последнего является то, что растительный орнамент фриза представлен уже не растительным элементом, состоящим из завернутых внутрь характерных завитков, типичных для более раннего времени, а вполне образно расположенным основным стержнем без дополнительных ответвлений, между изгибами которого размещался, как правило, один лист аканфа. Лист аканфа обработан с помощью сверла (тип "feingezahnte Akanthus")¹⁷. Вероятнее всего, близким временем следует датировать и херсонесский фриз.

Мраморный карниз из Херсонеса принадлежит типу плоских перекрытий, состоит из мелких зубцов и ленты ионийского киматия в основании. Несмотря на повреждения в верхней части, очевидно, что она была украшена крупными листьями акафа. Аналогии этому карнизу, как представляется, можно ограничить достаточно поздним кругом малоазийских памятников, исходя как из общих пропорций детали, так и деградирующей материи прорисовки ионийского киматия. Подобная манера трактовки киматия со значительно отодвинутыми от ов листочками в сочетании со средовидными разделяющими стержнями наблюдается в упоминавшемся выше мавзолее из Сида и ряде других сооружений второй половины III в. н.э.⁴⁹

Мраморный угловой фрагмент фронтона с угловым выступом-ризалитом декорирован лентой ионийского киматия у основания и вдоль ската фронтона. Перекрытие фронтона завершалось сной с анфемием в виде прямой и оборотной пальметт. Отсутствие всех необходимых составляющих элементов перекрытий, например, дентикул, горизонтальной симы, разделяющих лент киматия, свидетельствует о сугубо декоративном назначении фронтона, перекрывавшего, вероятно, небольшую эдикулу (не исключено, что и в интерьере). Согласно стилистическим признакам, встречающимся в описанных выше деталях (и прежде всего, манере прорисовки киматия со средовидным завершением разделяющих листочков и анфемия), фрагмент фронтона следует датировать не ранее III в. н.э.

Коллекция перекрытий коринфского ордера будет неполной без комплекса мраморных карнизов (рис. 10). К настоящему времени в Херсонесе их известно более двух десятков - больше, чем в остальных городах Северного Причерноморья вместе взятых. Они - так же, как и капители пилэстр - использовались в интерьерах. Вместе с пилэстрами, базами и облицовочными плитками стен из белого или цветного мрамора они завершали декор интерьеров. К сожалению, ни базы, ни пилэстры, за исключением двух мелких каннелированных фрагментов из Тиры, в городах Северного Причерноморья мне пока не известны. Херсонесские карнизы хорошо дополняют информацию о декоре интерьеров. Как правило, они имеют стандартные (очень небольшие) размеры и профилировку. Последняя состоит из венчающей полочки (как вариант - скошенной внутрь, трансформированной в полу- или трехчетвертной вал) и киматия, акцентированного уступом с одной (нижней) или двух сторон. Поскольку такие детали обычно представляют собой одну из самых массовых категорий мраморного архитектурно-строительного декора, они достаточно редко заслуживают публикации. В отношении причерноморских памятников они представляют интерес в связи с общей проблемой импорта мраморных декорировок интерьеров. Их находки сопровождают памятники как гражданского характера, так и сооружения общественного назначения, связанные с функционированием римской администрации⁴⁹.

Значительный интерес для исследования северопричерноморского коринфского ордера первых веков н.э. представляют херсонесские известняковые капители колонн (рис.6) полной или неполной схемы. Капитель полной схемы (Рис. 6.1) состоит из колокола, обрамленного двумя рядами листьев акафа, с выходящими из чашечек угловыми и центральными волютами. Внутренняя сторона каналов волют украшена листьями акафа. От верхнего листа акафа к завиткам волют поднимается волнистый стебель, который в нормальных диагональных капителях обычно заканчивается цветочным мотивом. Но в херсонесской капители последний отсутствует - абака имеет выступы-ризалиты по центру каждого из фасадов, поддерживаемые снизу центральными волютами. Очевидно, что общий пропорциональный строй не до конца выдержан, что несколько отличает ее от канонической капители полной схемы по Витрувию⁵⁰. Отсутствие центральных стеблей, которые обычно поддерживают чашечки с расходящимися волютами, привело к тому, что чашечки эти оказались опущенными ниже линии верхнего ряда акафа. В результате, кольцо из листьев акафа, окружающих калаф, занимает в высоту не 3/5, соответственно Витрувию, а 2/3 общей высоты капители.

Композиция фасадов, а также стилистические признаки херсонесской детали - манера прорисовки листьев акафа и завитков волют с листовым декором, наличие ризалитов по абаке, отсутствие чашечек - находит ближайšie аналоги в группе капителей местного производства из Паннииона - Аквикума и Каринтума, особенно тех, которые датируются III - началом IV в. н.э.⁵¹. Некоторые отличия можно видеть в том, что на паннионских капителях этого типа ризалиты на абакх заканчивались цветком или каким-либо другим фигурным изображением, и том, что расти-

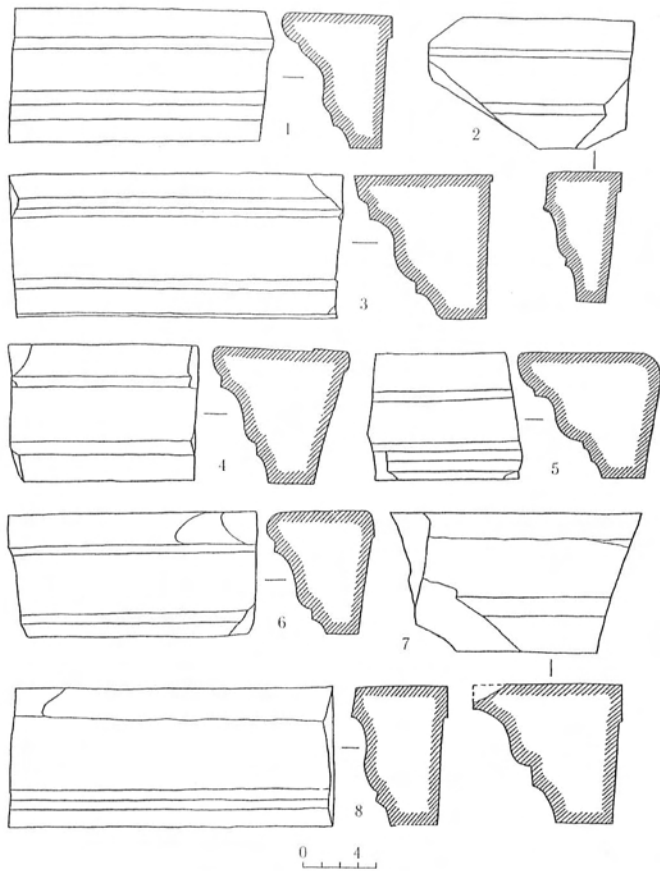

Рис. 10.

Карнизы коринфского ордера из Херсонеса. Мрамор.

тельный декор украшал каналы как угловых, так и центральных волют. Еще К.Рончевским на большом сравнительном материале было прослежено развитие этого декоративного мотива в коринфских капителях Италии, получившего особенное распространение, начиная от раннеимператорской эпохи. Это позволило ему выделить такие детали в особый тип капителей "с растительными волютами" (*Kapitelle mit pflanzlichen Voluten*)⁵².

Представляется, что неполный набор составляющих декоративных элементов херсонесской капители, приведший к нарушению канонических пропорций, может служить, помимо стилистиче-

ских признаков, и определенным хронологическим индикатором. Капители, в которых отсутствуют не только стебли, но и сами чашечки, а волоты начинаются непосредственно от верха аканфного ряда, в принципе характерны для коринфского ордера позднеантичного времени. Такая локальная (провинциально-римская) группа коринфских капителей выделена и по материалам Далматии. Указанные капители, хорошо представленные в архитектурном комплексе дворца Диоклетиана в Спалато, датируются вплоть до середины IV в. н.э.⁵⁴ Исходя из перечисленных признаков, херсонесскую капитель, вероятнее всего, также следует датировать в пределах второй половины-конца III - начала-первой половины IV в. н.э., относя ее к местному производству, выполненному под несомненным влиянием архитектуры балкано-дунайских провинций Римской империи.

Следующие две известняковые капители (рис.6, 1-2) принадлежат коринфизированному типу четырехлистных капителей полной схемы, имеют практически идентичные размеры и характер прорисовки отдельных элементов. Калаф капителей окружен у основания четырьмя листьями аканфа, нижние доли которых соприкасаются. Кроме того, аканф в обеих деталях имеет разный характер прорисовки. Объединяет их то, что каждая из долей в обоих листьях состоит из трех перьев. Листья аканфа поддерживают выходящие из центра фасадов угловые волоты с плоским центральным глазком. Между каналами волот имеется стилизованный растительный декор. Абаки, имеющие слабый прогиб, декорированы ионийским киматием с 6 овами по каждому из фасадов. Характер прорисовки листьев аканфа стилистически сближает капитель с образцами малоазийского происхождения. Основой для датировки херсонесских капителей временем не ранее конца III - IV в. н.э. служат их общие пропорции и композиция фасадов, обладающих значительным наклоном угловых волот и минимальным прогибом абаки. Кроме того, на позднее происхождение капителей указывает и манера прорисовки листьев аканфа. Характерная трехчастная структура листа не выдержана для каждой из его долей, средние части листьев уже практически нерасчленены с верхними и не имеют промежуточных глазков.

В этом плане интересным представляется сравнение херсонесских капителей с деталями, являющимися, своего рода, их ограничителями в хронологическом ряду. С одной стороны, это - четырехлистная капитель из Эскуса (Мезия), которая, согласно своим стилистическим особенностям, надежно датируется концом II - самым началом III в. н.э.⁵⁴ Деталь имеет вытянутый 7-лопастный лист аканфа с 4-5 перьями в каждой доле, диагональную абаку, изогнутый центральный стебель с растительным мотивом. С другой стороны, это - позднеантичные четырехлистные капители, особенно капитель, датирующаяся началом V в. из Спалато, имеющая пропорциональный строй, подобный херсонесским капителям. Однако, капитель эта имеет значительно более плоскостной характер прорисовки аканфа, его средняя доля соединена с центральной и не имеет характерного глазка⁵⁵.

Третья четырехлистная капитель (рис.6,3) стилистически близка двум вышеописанным деталям. Она обладает своеобразной манерой прорисовки листьев аканфа, вырезанных в невысоком рельефе, формой угловых волот, начинающихся в центре фасада, а также характером декора абаки и верхней части калафа в виде в виде расположенных один над другим стилизованных четырехлепестковых цветов. Лист аканфа имеет уже достаточно условное членение на отдельные доли, состоящие из четырех перьев, каждая грань листа вырезана отдельно, начинаясь у центральной прожилки. Последняя особенность, как представляется, и определяет время появления капители. Она также датируется достаточно поздним временем - в пределах IV в. н.э., находясь близкие (хотя и не абсолютные) аналоги в манере прорисовки аканфного декора капителей из Паннонии и Далматии, относящихся к началу IV - V вв. н.э.⁵⁶

В целом, коллекция деталей из Херсонеса позволяет уверенно говорить о перенесении провинциально-римских (малоазийских) стандартов как монументальной архитектуры, так и малых форм, в североричерноморский регион с начала II в. н.э. - эта политика была особенно ощутимой во времена Траяна - Адриана. Малоазийская архитектурная школа не только диктовала определенный эстетический подход к архитектуре общественных (гражданских и культовых), возможно, и жилых сооружений. В новых условиях и быстрых темпах строительства импорт мраморных деталей зачастую был намного более выгодным, чем их местное производство⁵⁷. Не менее интересно и то, что те немногочисленные архитектурные детали, которые принадлежат местному производству, как правило, являются достаточно грамотными копиями малоазийских образцов. Превалирование

этой школы в архитектуре Херсонеса во II, а, возможно, и в первой половине III в. н.э. очевидно.

Вторая половина III в. представлена единичными мраморными деталями - это единственный северопричерноморский центр, в котором в настоящее время известны мраморные импорты. Этот факт также вполне объясним новой политической и экономической ситуацией, связанной с усилившимся варварским давлением на границы Римской империи. Археологические материалы, литературные и эпиграфические источники свидетельствуют не только о континуитете городской жизни, но также о наличии в нем постоянного религиозного и военного представительства, начиная от времени Константина. Исследование архитектурных деталей, датировка которых укладывается в рамки позднеантичного периода, с моей точки зрения, реально свидетельствует о строительстве культовых сооружений с использованием коринфского ордера - не исключено, что уже имеющихся отношении к новой, христианской религии. Малочисленность этих деталей и местный характер их производства, к тому же, резко отделены от новой волны массового импорта проконесских архитектурных деталей, связанных с эпохой христианского культового строительства, развернувшегося в средневековом Херсонесе после Юстиниана. Необходимо специально отметить, что вопрос о наличии строительной деятельности в IV - V вв., которые в историографии Херсонеса недаром называются "темными веками", является значительной проблемой в археологическом изучении памятника. В настоящее время известны только немногочисленные погребальные комплексы, которые можно уверенно датировать IV в. и связать с христианской общиной. Строительные остатки этого времени в городе отсутствуют⁵⁶. Не меньший интерес представляет также то, что в стилистическом отношении детали позднеантичного времени представлены исключительно балканским направлением в развитии коринфского ордера. Ионический ордер не выходит за пределы первой половины III в. н.э. и представлен только малыми деталями, отражающими малоазийское стилиевое направление. Именно такое взаимосочетание стилей в монументальной архитектуре Херсонеса первых веков н.э. и определяет, с моей точки зрения, ее своеобразие на фоне остальных городов причерноморского региона.

Примечания

1. Проблема контактов городов Северного Причерноморья с Римом посвящено обширное количество литературы, поэтому здесь целесообразно упомянуть лишь специальные исследования по отдельным центрам с соответствующей подробной библиографией: Зубарь В.М. *Херсонес Таврический и Римская империя*. К., 1994; Сит Н.А. *Тира римского времени*. К., 1992; Крапивица В.В. *Ольвия. Материальная культура в первые века нашей эры*. К., 1993.
2. Подробное общую характеристику градостроительной ситуации в городах Северного Причерноморья в первые века н. э. см.: Крыжицкий С.Д. *Римські традиції в містобудуванні та архітектурі античних міст Північного Причорномор'я* // *Археологія*. 1989. I. - С.47 сл.; Крыжицкий С.Д. *Архитектура античных городов Северного Причерноморья*. К., 1993.
3. Поздний санскрит и местные по эпиграфическим данным сооружений первых веков н.э. (по состоянию на начало 1980-х гг.) приведена: Пачикян И.Р. *Малая Азия - Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния*. М., 1984. - С.223 сл.
4. ЮСРБ II 181. *Интерпретация надписи предложена - Крапивица В.В., Буйских А.В. Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982-1996)* // *Накопий и античный мир Северного Причерноморья. Матер. междунар. конф. Одесса, 1997*. - С.123-124.
5. Sarnowski T., Savelju O.Ja. *Das Dolichenum von Balaklava und die römischen Streitkräfte auf der Südkrim* // *Archaeologia*. XLIX. 1998. - S.26-30; Sarnowski T., Savelju O.Ja. *Balaklava. Römische Militärlagerung und Heiligtum des Jupiter Dolichenus*. Warschau, 2000.
6. Более подробно критический обзор известных в отечественной литературе реконструкций ордерных (культовых) сооружений, в том числе и первых веков н.э. см.: Крыжицкий С.Д., Буйских А.В. *Античные храмы Северного Причерноморья* // М.Лазаров (ред.). *Богослуже на Понта*. Варна, 1998. - С.76 сл.
7. Буйских А.В. *Некоторые проблемы изучения дорического ордера Херсонеса* // *ХСб VII*. 1996. - С. 54-55; Крыжицкий С.Д. *Архитектура...*, с.189 сл.
8. Карраси А.Н. *Архитектура* // *Античные города Северного Причерноморья*. М., 1953. - С. 194-195. Вывод о "вариационной" тенденции в развитии северопричерноморской архитектуры был сделан преимущественно на примере ордера жилых домов.
9. Vasdaris Ch. *Das dorische Kapitell in der hellenistisch-römischer Zeit im östlichen Mittelmeerraum*. Wien, 1987. - Kap. III. 4 f, abb. 44, 55, 58, 105 B, 114; Müller K. *Hellenistische Architekturglieder im Herion von Samos* // *AhMitt*. Bd. 109. 1994. - S.206-210, abb. 5, 8; Lawrence A.W. *Greek Architecture*. Harmondsworth, 1967. - Fig. 17 a.
10. Milet, I, 7. - Abb. 182-183.
11. Петрова С. *Типология и особенности на римско-дорийская капители в Мизия и в Тракия* // *Археологія*. 1990. Кн. 3.- С. 13-14, *обр. 8*; Kiss A. *Pannonische Architekturelemente und Ornamentik in Ungarn*. Budapest, 1987. - *Taf. 26, 6*; Alicu D. *Online architectonice la Ulpiu Traianu Sarmizegetusa* // *Apulum*. XIX. 1981. - Pl. III, 1, 2;

- Barbulescu M. Capitellari romane din Dacia Intra Carpatica // *Sargetia*. XIII. 1977. - Fig.II, 1-4, III, 1-4, IV, 1a; Barnea Al., Albu L.P. Piese de sculpturi arhitectonice romane din colecția Muzeului Județean Hunedoara-Deu // *Sargetia*. X. 1973. - Fig.1,2; 2,1-2, 3; V.I. Vaitianu. Piese sculpturale și epigrafice în colecția muzeului de istoria și arheologie din Tulcea // *Revista IX*, 1984. - Fig.27,31,32.
12. Ровченский К. Условно-статистические модели и фрезы римского зодчества. *Рига*, 1905. 1. - С. 30-31, фмс.42,44.
13. Надпись - КВН 39. Реконструкция портика см.: Блаватский В.Д. Спринтальное дело Пантхикая по новым рисовкам 1945-1949 и 1952-1953 гг. // *МИА*. 1957. 56. - Рис.26, 2.
14. Заключение о припадственности мраморных архитектурных характеристиках Космогеней, анализ херсонесских мраморов первых веков н.э. с целью определения их месторождений (так же, как и аналогичных деталей из других городов Северного Причерноморья) Николая Николаевича.
15. Буцьківська А.В. Керківський ордер в античній архітектурі Паніонію Причорномор'я // *Архітектурні свідчення України*. К., 1995. 2. - С. 14 сл.
16. Hoepfner W. Herakleia Pontike - Egeid. Wien, 1966. - S.69. Abb.26.
17. Фрагменты колонн с надписями - IOSPE II 441-447. Реконструкция фасада храма и ее обожование - Пичишкин И. Р. Ук.соч., с.249-259, рис.94-95. Критический разбор этой реконструкции-Крыжичко С.Д., Буцьківська А.В. Ук.соч., с.84; Крыжичкий С.Д. Архитектура..., с.191-193.
18. Bingöl O. Das Ionische Normalprofil in hellenistischer und römischer Zeit in Kleinasien // *IstMitt.* Heft 20. 1980. - Taf.25, 26.
19. Петрова С. Римско-ионийски капители от Мазия и Тракия (I-IV вв.). София, 1996. - Табл. V, 3, 10, 14, 20; Dyuzek P. Dvije kamarije zuyubalibazae (1981, 1983) na terenu valetudinarium // *Novusensia*. 1991. 2. - S.85, rys.6.
20. Bingöl O. Op.cit., N 52, 88, 164, 220, 296, taf.26, 29, 30.
21. Петрова С. Римско-ионийски капители..., табл.VII, 5, VIII, 11, 18.
22. Bingöl O. Op.cit., N 1, 4, 39, 48, 56, 66, taf.31, 32, 39.
23. Петрова С. Римско-ионийски капители..., табл.III, 33.
24. Савинов А.А. Архитектура античных сооружений Парии. Ереван, 1988. - Табл.39, 40б.
25. Bingöl O. Op.cit., N 18, taf.39, N 278, 279, 280, taf.40; Koehnig W., Rudt W. Ein Kaiserzeitlicher Rundbau (Monopylon) in Pergamon // *IstMitt.* Bd.29. 1979. - Taf.116, 3.
26. Bingöl O. Op.cit., N 162, 240, 259, taf.35.
27. Puchstein O. Das ionische Kapitäl. Berlin, 1 887. - S.22, 23, abb.1 5, 15a; Dörner F. K., Hoepfner W. Vorläufiger Bericht über eine Reise in Bythynien 1961 // *AA*. 1962. 3. - S.586, abb. 10; Bingöl O. Op.cit., N 139, 199, taf.28; Sarrasin-Silvestri T. Callotis. I-er rapport préliminaire // *Duda*. 1924. 1. P.121, fig.20; Петрова С. Римско-ионийски капители..., табл.IV, 34; VI, 4; Савинов А.А. Ук.соч., С.2 2-23, табл.34 6, 35 а.
28. IOSPE, II 440. Архитрав был использован И.Р.Пичишкиным и реконструкция главного портика храма Афродиты. Однако, согласно мнению С.Д.Крыжичко, этот архитрав, исходя из его пронозных характеристик, вряд ли мог перекрыть пролет интерколумния, предложенный И.Р. Пичишкиным, и вычеркнать соответствующую надпись - Крыжичкий С.Д. Архитектура..., с. 191-193.
29. Eitel C. Römische Architektur in Carminum. Wien, 1991. -Taf.20, 21; Alicu D. Op.cit., pl.VII, 1, 2; Kiss A. Op.cit., taf. 15, 16.
30. Антонова И.А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1991г. // *Научный архив ХИИЗ*, №3105, стр. 17-18; №3106, рис. 19, 20, 21; Антонова И.А. Отчет о раскопках цитадели в 1992г. // *Научный архив ХИИЗ*, №3365, с. 19-20, №3366, рис. 27, 28, 29, 30.
31. Kiss A. Op.cit., taf. 1, N 7, 8, 9, taf.3, N 3, taf.5, N 12, taf.12, N 6, 7, 10.
32. Sarnowski T., Savelja O.Ja. Das Dolichenum, s.26-30, abb. 12, 15; Sarnowski T., Savelja O.Ja. Balaklava, s.44ff.
33. Bingöl O. Op.cit., N 290; Петрова С. Римско-ионийски капители..., табл. IX, 24.
34. В данном случае, считая необходимым присоединиться к вполне обоснованной критике относительно реконструкции балаклавского сооружения в качестве храма в антах - подробнее см.: Крыжичкий С.Д., Зубарь В.М. До питання про реконструкцію храму Юпітера Доіхана на території сучасної Балаклави // *Археологія*. 1. 2000. - С.119 сл.
35. Fischer M. Figured Capitals in Roman Palestine: marble imports and local stones: some aspects of "Imperial" and "Provincial" art // *AA*. 1991. 1. -P.142.
36. Rohmann J. Die Kapitälproduktion der römischen Kaiserzeit in Pergamon. Berlin-New York, 1998. - S. 107 ff. taf.50; Fisher E. Das korinthische Kapitäl im alten Israel in der hellenistischen und römischen Periode. Mainz-am-Rhein, 1990; Fischer M. Marble, Urbanism and Ideology in Roman Palestine: the Caesarea Example // *Caesarea Maritima*. Leiden-New York-Köln, 1996. -P.251-252; БобчевС.Н. Римско-коринтски от югоизтока и северна България и място им в развитието на римско-коринтския капители // *ИВИ*. XXXII. 1970. - С.91-128; Маделенова Я. Античността иля Армира край Навладисград. София, 1991.
37. Kraemer J. Korinthische Pilasterkapitelle in Kleinasien und Konstantinopel (Beih.IstMitt, 39), 1994. - S. 132 ff.; Otáien V. Forschungen im Nordwestlichen Kleinasien (Beih.IstMitt. 41), 1996. - Taf.35-6.
38. Капителъ хранится в археологической экспозиции Балчисарайского музея.
39. Проблема мраморной торговли в императорское время была в свое время поднута Дж. Уард-Перкинсом - *Ward-Perkins J.B. Nicomedia and the Marble Trade* // *BSR*. 48. 1980. 23 ff.; см. также мемориальный сборник его избранных трудов - *Dodge H., Ward-Perkins B. (Ed.), Marble in Antiquity. Collected Papers of J.B. Ward-Perkins, 1992* - и наша успешное продолжение в трудах ASMOSIA (Ассоциация по изучению мрамора и других камней в античности), 1988; 1992; 1995. Вопрос об этапах изготовления коринфских капителей и торговле их экспортными формами см. подробно - *Asgari N. The Stages of Workmanship of the Corinthian Capital in Proconnesus*

- and its Export Form, in: Herz N., Waelkens M. (Ed.), *Classical Marble: Geochemistry, Technology, Trade*. NATO ASI Series, Serie E: Applied Sciences, Vol. 153, 1988. - P. 115 ff. Рядовым подтверждением наличия торговли полуфабрикатами каменных изделий южного происхождения в Паннонском регионе служат публикации материалов кораблекрушения возле Зиде, к юго-востоку от Боспорского пролива - Beyhan M. *The Marble Architectural Elements in Export-Form from the Sile Shipwreck*, in: Herz N., Waelkens M. (Ed.), *Classical Marble*, 127ff.
40. Coulton J.J. *The Architectural Development of the Greek Stoa*, 1976. - P. 122-123; Karagöz S., Radl W., Rheidl K. *Ein römischer Grabbau auf dem Nizyetepe bei Pergamon // I4Mit*, 36, 1986. S. 137 ff., Abb. 15.
41. Heilmeyer W.-D. *Kirchliche Normkapitelle*. 1970. *taf.27.2; Rohmann J.*, *taf.18-20*.
42. Ward-Perkins J.B. *Nicomedia*..., p.55-56, pl.XIX.
43. Leon Ch. *E Die Bauornamentik des Trajansforums und ihre Stellung in der früh- und mittelkaiserzeitlichen Architekturdécoration Roms*, 1971. - S.274-275, *Taf.82 - Форум Августа; 131 - Базилика Эмилии*.
44. Изучение мраморных импринт и Лептин-Магне, включающих не только разнообразные архитектурные детали, но и скульптуру, позволило прийти к выводу о значительном влиянии африканской школы - Squarciapino M. *La Scuola di Afridiisia*, 1943. - S. 80 ff. Дж. Уард-Перкинс писал шире - о южном или малоазиатском влиянии, предлагая критически пересмотреть вывод о только африканском направлении - Ward-Perkins J.B. *Nicomedia*..., p. 64-68.
45. Alzinger W. *Augusteische Architektur in Ephesos*, 1974. - *Taf.78 - C V d 2, C V d 4*.
46. Mansel A.M. *AA 1959*, S.400-402.
47. О типе "звезчатые Аканthus" и его использовании в позднеримской строительной орнаментике см.: Kramer J. *Op.cit.*, s. 41 ff.
48. Vandepit L. *The Architectural Decoration in Roman Asia Minor Sagalassos: a Case Study (Studies in Eastern Mediterranean Archaeology I)*, 1997. - С 146- 147, Pl. 117, 2,3 118.2,4.
49. Для юсточных, прежде всего, причерноморских провинций Римской империи, в этом плане весьма показательны разные по своему функциональному назначению строительные комплексы, объединяющие, тем не менее, единый набор аналогичного мраморного декора интерьеров - виллы Армира (Фракия) - Младенюна Ян, Ук. Соч. и термы-II в Истрии (Нижняя Мезия) - Succesani A. *Les themes romains (Histria VI)*, 1982. Оба они достаточно наглядно свидетельствуют об унифицированном подходе к декорировкам интерьеров независимо от функционального назначения сооружений.
50. *Vitrac*, IV, 1, 44.
51. Kiss A. *Römische Architekturelemente und Ornamentik in Ungarn*, Budapest, 1987/*Taf 14-17, Kat. N XV 170; Eitel Ch. Römische Architektur in Carnuntum (Der römische Limes in Österreich, Hft. 38)*, Wien, 1991 -S.55 ff. *Abb 1, 4; Taf. 1; 27-1.1.2.2*.
52. K Ronezowski, AA 1931. 1/2, 1 ff.
53. Kautzsch R. *Kapitellstudien*. 1936 -S.8.-9.
54. Бобчев С.Н. У к. соч., с 113-144, 126, *Табл. XI*.
55. Kautzsch R. *Op.cit.*, S. 11-12, *Taf. 2-14*.
56. О капителях из Паннонии - Eitel Ch. *Op.cit.*, S. 41-42, N 1.1.2.1; 1.1.3.2.; *Taf 1; 27; 28; о капителях из Далматии, датирующихся от конца IV вплоть до начала V в н.э. - Kautzsch R. Op.cit.*, S. 21-22, *Taf. 4-N 31*.
57. Вряд ли истинником импорта мраморных деталей в Херсонсе в I-III вв. н.э. следует считать Мезию и Фракию - Кавесен В.И., Сорочин С.Б. *Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - VI н.э. К.* 1989 - С 31, 40. Прежде всего, ни одна мраморная архитектурная деталь из Херсонсе не может пока быть однозначно датирована I в н.э. Полностью исключить ввод малоазиатских деталей из Мезии и Фракии в более позднее время, конечно, нельзя, хотя вряд ли это было реально. Скорее всего, провинциальный импорт в Херсонсе поступал непосредственно из Пропониды, без посредничества дунайских провинций.
58. Об этом и других проблемах, связанных с херсонесской историей позднеримского времени, подробнее см.: Яковлев А. Л. *Римнередневековый Херсонес*//МИА. 63. 1959. -С18-21, с рецензией историографических сведений и соответствующей литературой - Зубарь В.М. *Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таурическом* //Византийская Таврика. К., 1991. -С.8 ст.